

Литературный факт 2026. № 3 (41)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 3 (41), 2026

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (41), 2026

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-251-275>

<https://elibrary.ru/RZOIZY>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Литературная маска Анжелики Сафьяновой: генезис и литературный контекст

© 2026, Е.В. Кузнецова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье исследуется литературная мистификация Льва Никулина, а именно — поэтическая маска Анжелики Сафьяновой — в контексте других известных литературных мистификаций XIX — начала XX вв. Опыт Никулина сравнивается с другими литературными масками: Козьмы Пруткова, Евгении Сарафановой (созданной Г.П. Данилевским), «Стихами Нелли» (изданными в 1913 г. В. Брюсовым) — сборником, в котором отразилась различные типы женского лиризма рубежа 1910-х гг., а также с мистификацией французского поэта Пьера Луиса «Песни Битилис» («Les Chansons de Bilitis») 1894 г. Можно утверждать, что Никулин продолжает игру своих предшественников и, очевидно, во многом руководствуется их опытом. Он также создает псевдоженскую поэзию, но значительно усиливает пародийно-иронический аспект. «Стихи Анжелики Сафьяновой», как и «Стихи Нелли», представляют собой каталог наиболее актуальных тем и проблем массовой женской поэзии 1910-х гг. (любовь, путешествия, большой город, приметы современности, развлечения, размышления о жизни и т. д.). Если Брюсов скорее объективирует женский поэтический дискурс и маркирует его как новое значимое явление в литературном мире, то Никулин иронизирует уже по отношению к штампам и шаблонам женской поэзии, но также выражает грусть по поводу уходящей эпохи. Проведенный анализ демонстрирует, что Никулин учитывал находки предшественников для создания успешного образа молодой поэтессы в период своего литературного выдвижения, а позднее раскрыл и развенчал мистификацию.

Ключевые слова: Анжелика Сафьянова, Л. Никулин, женская поэзия, мистификация, литературная маска, пародия.

Информация об авторе: Екатерина Валентиновна Кузнецова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069, г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6045-2162>

E-mail: katkuzl@mail.ru

Для цитирования: Кузнецова Е.В. Литературная маска Анжелики Сафьяновой: генезис и литературный контекст // Литературный факт. 2026. № 3 (41). С. 251–275. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-251-275>

Начало XX в. в истории русской поэзии ознаменовано несколькими литературными мистификациями. В 1909 г. прогремела слава Черубины де Габриак, загадочной иностранной красавицы-поэтессы, живущей в России и пишущей страстно-романтические стихи на русском языке. Образ Черубины придумали поэтесса Елизавета Дмитриева и Максимилиан Волошин. После раскрытия тайны разразился скандал, Дмитриева порвала с литературным миром Петербурга и надолго замолчала, но созданные ей под маской испанки-католички стихи оказали большое влияние на женскую поэзию начала XX в. Эту мистификацию можно считать таковой лишь отчасти, так как реальным автором стихов была женщина, а не мужчина. Для Дмитриевой образ Черубины был очень близок, родственен, он был яркой маской для привлечения внимания к действительно богатому внутреннему миру поэтессы.

Более значимой для истории русской литературы представляется мистификация Валерия Брюсова, выпустившего в 1913 г. сборник стихотворений «Стихи Нелли». Поэт предварил книгу стихотворным посланием, прозрачно намекая, что он имеет к этому изданию непосредственное отношение, но маскируясь под мэтра, помогающего войти в литературный мир новому поэтическому дарованию. Двусмысленное название можно было прочесть и как стихи, написанные Нелли, и как стихи, посвященные Нелли. Еще больше путало читателя посвящение всей книги поэтессе Надежде Львовой, стоявшее на титульном листе. Мистификация Брюсова до конца так и не была разоблачена, хотя в литературной среде это был секрет Полишинеля. Уже в следующем 1914 г. в сборнике-антологии «Избранные стихи русских поэтов» (третий период, второй выпуск), были помещены шесть «стихотворений Нелли» за ее подписью¹.

В дальнейшем Брюсов предпочел не признаваться в своем авторстве и даже опубликовал в газете «Речь» опровержение на статью С. Городецкого, в которой его называли автором «Стихов Нелли». Брюсов утверждал, что эти произведения принадлежат «лицу,

¹ Избранные стихи русских поэтов. Серия сборников по периодам. Период III. [СПб.], 1914. Вып. II. С. 171–176.

не желающему пока называть свое имя в печати» [5, с. 178]. По мнению А.В. Лаврова, поэт был уязвлен тем, что не все поверили в существование реальной поэтессы (среди не поверивших был, например, Н. Гумилев). Это являлось доказательством того, что «полного отчуждения маски от подлинного лица достигнуть не удалось» [5, с. 179]. Брюсов собирался продолжить мистификацию и готовил в 1916 г. к изданию второй сборник под названием «Новые стихи Нелли 1913–1916 г.» [5, с. 180]. Эта книга должна была предваряться пространным предисловием самого Брюсова, собиравшегося дать ответ всем критикам и отстоять субъектность выдуманной поэтессы. Основная мысль его вступительной статьи заключалась в том, что явное сходство стихов Нелли с произведениями самого Брюсова вполне простительно для молодой девушки, ищущей свой голос в литературе, а если уж и судить ее строго за поэтические недостатки, то исходить следует все равно из признания того, что это самостоятельный автор². Однако это издание осталось неосуществленным замыслом.

Литературная маска Брюсова явилась своеобразной реакцией на бум женской лирики начала XX в., достигший своего пика к рубежу 1910-х гг. К этому моменту все еще читали умершую Мирру Лохвицкую и замолчавшую Черубину де Габриак, уже вышли дебютные сборники Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, продолжали писать Зинаида Гиппиус и Поликсена Соловьева (Allegro), но значимым литературным фактом было и творчество поэтесс второго-третьего ряда: Марии Закревской-Рейх, Наталии Грушко, Паллады Богдановой-Бельской, Татьяны Щепкиной-Куперник, Веры Инбер, Мариэтты Шагинян и других авторов, ныне забытых. Их произведения также могли дать пищу для поэтических экспериментов Брюсова. Можно утверждать, что он стремился создать *коллективный портрет женщины-поэтессы* рубежа 1910-х гг., когда женское поэтическое творчество переживало настоящий расцвет.

Нельзя отрицать и легкой ироничности создателя Нелли, воспроизводящего разные типы женского лиризма, хотя неправомерно считать этот литературный опыт сугубо пародийным. А такая точка зрения, высказанная еще К. Мочульским, продолжает существовать: «Но на высоте “трагического мироощущения” стихи Нелли не задерживаются. Из нагромождения страстей и изысков получается самая неприглядная пошлость»³. Мочульскому вторит Т. Карпачева, чье

² Расшифрованный набросок это предисловия был опубликован А.В. Лавровым [5, с. 180–182].

³ Мочульский К.В. Валерий Брюсов. Париж: YMCA-PRESS, 1962. С. 162.

исследование о жизни и творчестве Львовой в целом отличается негативным отношением к Брюсову: «Лирическая героиня сборника — образ явно карикатурный и даже слишком преувеличенный в своей пошлости» [3, с. 126]. О том, что эксперимент Брюсова однозначно шуточный и откровенно пародийный, писали также Д.Е. Максимов⁴ и В.Г. Дмитриев⁵. Однако, на наш взгляд, эти суждения не отражают стилистическое и интонационное многообразие сборника, не сводимого только к заострению пошлости или наивности женского творчества, и игнорируют существенное количество серьезных пьес в его составе, например, раздел «Из моих наблюдений», стихотворение «И снова у окна, когда закат малинов...». С увлеченностью коллекционера, поймавшего невиданную ранее бабочку, Брюсов препарирует и фиксирует новое в своей масштабности явление женской лирики, перевоплощаясь в современную поэтессу, и при этом раздвигает границы собственных творческих возможностей. С помощью открытий молодых «поэток» он стремится обновить русскую модернистскую поэзию в целом и свою собственную. Как верно отметил А.В. Лавров:

Стихи Нелли» и явились одной из своеобразных попыток Брюсова обнаружить свое новое лицо — притом обнаружить исключительно для себя, а не для других, — рискованным экспериментом по формированию в недрах своего творческого протезизма совершенно иной поэтической индивидуальности. Мистификация — если бы она состоялась, если бы в появление нового автора поверили — стала бы для Брюсова красноречивым подтверждением неисчерпанности его творческих ресурсов... [5, с. 155]

Можно утверждать, что Брюсов смог достичь поставленных художественных задач. Произведения сборника «Стихи Нелли» написаны в разных стилистических манерах и сходство с манерой самого Брюсова можно усмотреть разве только в самом этом разнообразии (поэтика Брюсова существенно менялась от сборника к сборнику). Он выявил и продемонстрировал на собственных примерах несколько тематических блоков женской лирики: *пейзажно-философская* (раздел «Из моих впечатлений» и др.), *урбанистическая* («Вечернее катанье», «На скетинге» и др.), *эротическая* («Хрупкие руки твои поцелую...» и др.), *мортальная* («Тени когда любимых и проклятых...»

⁴ Максимов Д.Е. Поэзия Валерия Брюсова. Л., 1940. С. 258.

⁵ Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя (Из истории анонимов и псевдонимов). М.: Наука, 1977. С. 178.

и др.). Оставляет в стороне он только социальные и гражданские мотивы, хотя и к ним активно обращались женщины-авторы: Г. Галина, В. Фигнер, М. Закревская-Рейх, Т. Щепкина-Куперник и др. Брюсов создал в рамках одной книги сразу несколько лирических героинь: *трагическую мечтательницу, сексуально раскрепощенную эмансипе, жизнерадостную горожанку, наивную простушку или женщину-ребенка*. Поэтому «Нелли» можно с полным правом назвать собирательным субъектом женской модернисткой поэзии.

Пример Брюсова оказался удачным и получил свое продолжение в мистификаторской практике других поэтов, в частности, в творчестве Льва Никулина, дебютировавшего в поэзии в 1913 г. под маской Анжелики Сафьяновой. В данной статье мы постараемся проанализировать генезис мистификации Никулина, причины ее возникновения, отличия от брюсовской Нелли и других выдуманных литературных личностей и художественные особенности сборника.

В периодической печати начиная с 1913 г. и вплоть до Октябрьской революции появлялись стихотворения, подписанные именем новой поэтессы: «В “Сатириконе” (1913) под изысканно-манерными стихами не раз встречалась подпись *Анжелики Сафьяновой*. Позднее эта подпись появилась и в журнале “Красный смех” под стихами, высмеивавшими германских офицеров — фанфаронов и мародеров»⁶. Стихи Сафьяновой в одних и тех же изданиях чередовались с произведениями, подписанными настоящим именем автора. За 1913–1914 гг. в «Сатириконе», например, было опубликовано 18 произведений под именем Анжелики: «Наивная песенка», «Письмо», «Донна Иза дель Гонзаго», «Бывают странные слова...», «Ad gloriam Caesar Maxi», «Ассессуары», «Вена», «Парижанка», «Пролог», «Ожидание», «Диалог», «Среди толпы разнuzданных моделей...», «Ответ на посвящения», «Париж», «Эпитафия фокстерьеру “Торику”», «Анафема», «Уколы», «Диалог» («Две ласки играли под старой плотиной...»). Произведений, подписанных «Лев Никулин» найдено 13: «В альбом Верочке Чеберяк», «Диалог» («О, сколь вы близки мне, зеленые долины...»), «Курорт», «Песенка» («Мы играли до зари...»), «Офорт», «Истерика», «Лирика» («Кто знает толк в старинных винах...»), «Минор и мажор», «На скаковом кругу», «Ястреб», «Час вечерний», «Шуба», «О Зине». Также несколько стихотворений шли под другим псевдонимом Никулина: «О Генрихе добром» — *Поль-де-Сафьянов*; «Инцидент» — *Поль де Сафьянов*; «Три негра, повешенные за ноги» — *П. Сафьянов*. Подборки стихов Сафьяновой публиковались также в журнале

⁶ Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя (Из истории анонимов и псевдонимов). М.: Наука, 1977. С. 177.

В. Шебуева «Весна» в 1914 г. и в 1916 г. в журнале «Рудин» [2, с. 188]. В «Весне» (1914, № 2) стихотворения были озаглавлены «Дебют Анжелики Сафьяновой» [9, с. 104–105], и в этом же номере было помещено стихотворение «О, разорвите солнце на огненные клочья...», подписанное Лев Никулин.

А в 1918 г. таинственное московское издательство «Зеленый остров» выпустило книгу стихов Анжелики Сафьяновой, с ее автографом, силуэтом и «приложением родословного древа» [6]. Это «были стихи светской барышни, влюбленной в навсегда ушедшее прошлое, целиком поглощенной своими внутренними переживаниями. В предисловии к книге рассказывалось, что поэтесса была дочерью сенатора и внучатой племянницей... Козьмы Пруткова; тетрадка с ее стихами была якобы найдена неким господином в коричневом пальто, который и решил их издать»⁷. Заметим, что задумывая свою мистификацию, Брюсов также хотел снабдить книгу «Стихи Нелли» биографическим очерком о вымышленной поэтессе, а в его рукописях сохранились планы издания сборников и от лица других мнимых поэтесс — Марии Райской и Иры Ялтинской [5, с. 156].

Однако в отличие от Нелли мистификация тут же раскрывалась, так как на титульном листе книге стояло имя автора «Л. Никулин», принадлежавшее молодому поэту Льву Вениаминовичу Никулину (1891–1967), который сделал своей литературной фамилией театральный псевдоним своего отца, актера и антрепренера В.И. Олькеницкого⁸.

История создания и обнаружения мистификации приводится в воспоминаниях об этом времени советского журналиста А.Л. Лесса, который встречал стихи Сафьяновой еще в дореволюционной прессе, но с ее книгой не смог познакомиться, так как мизерный тираж сборника быстро стал библиографической редкостью и не встречался даже в библиотеках. Начав поиск сведений о поэтессе, журналист вышел наконец-то на Никулина, которого ему рекомендовали как знатока дореволюционной поэзии:

На следующий день я пришел к Льву Вениаминовичу Никулину. Писатель молча выслушал мой рассказ, улыбнулся и ничего не ответил. Он медленно поднялся из-за письменного стола и подошел к книжному шкафу. Он не спеша открыл шкаф, порылся в книгах

⁷ Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя (Из истории анонимов и псевдонимов). М.: Наука, 1977. С. 177.

⁸ Никулин Лев Вениаминович / сост. Б. Кандель // Русские советские писатели. Прозаики: Биобиблиографический указатель. Л.: Изд-во Гос. публичной б-ки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1964. Т. 3: Макаренко — М. Пришвин. С. 234.

и через несколько минут положил на стол светло-коричневую, в форме общей тетради, книгу. Я взглянул на нее и — оторопел. На переплете было напечатано: «Л. Никулин. История и стихи Анжелики Сафьяновой».

— Что это значит? — спросил я, совершенно ошеломленный. — При чем тут ваша фамилия?..

Никулин рассмеялся:

— А при том, что я сам писал эти стихи... Никакой Анжелики Сафьяновой в природе не существовало, хотя в книге и напечатан ее портрет...

— Что же это такое?.. Литературная мистификация?

— Совершенно верно...

Я попросил Льва Вениаминовича рассказать мне историю этой книги и вот что от него услышал:

— Начиная с тысяча девятьсот тринадцатого года я печатал в разных журналах свои стихи, которые подписывал псевдонимом: Анжелика Сафьянова. По существу, это были пародии на модные в то время сентиментально-интимные стихи о любви. К моему удивлению, редакции принимали стихи всерьез. Они считали их настоящими лирическими стихотворениями и твердо верили, что стихи понравятся читателям. Так и случилось. Узкому кругу читателей мои иронические и претенциозные стихи нравились, и читатели были убеждены, что действительно существует поэтесса Анжелика Сафьянова⁹.

Очевидно, что Никулин продолжил игру Брюсова и ориентировался на его опыт, хотя его имя он не упомянул в своем рассказе, а сослался на другую известную литературную пародийную личность — Козьму Пруткова. Настоящее «воскрешение» Пруткова было осуществлено авторами «Сатирикона» и «Нового Сатирикона» в 1913–1914 гг., то есть в то же время, в которое там публиковался и Никулин. Особенно продуктивен был автор под псевдонимом «Ив. Прутков» (Борис Владимирович Жиркович (1888–1943)), ему принадлежат 22 юмористических произведения за эти годы, одно из которых называется «Из альбома Ивана Кузм. Пруткова» (1913, № 17), не оставляя сомнений в родословной нового автора. Еще один писатель-сатирик печатался под псевдонимом «Правнук Козьмы Пруткова» (возможно, это был Никулин).

⁹ *Лесс А.Л.* Непрочитанные страницы. М.: Сов. писатель, 1966. С. 259–261.

Но публиковать стихотворения под псевдонимом Анжелики Сафьяновой Никулин начал именно в 1913 г., когда в свет вышли «Стихи Нелли», поэтому не только Прутков был для начинающего автора образцом для подражания. Он также решил писать псевдоженскую поэзию, подмечая ее особенности, но значительно усиливая пародийно-иронический аспект. По мнению А.В. Лаврова, стихи Анжелики Сафьяновой «представляют собой иронические стилизации с отчетливым пародийным налетом на темы женской поэзии и “городской любви”» [5, с. 171], что, безусловно, верно, но не исчерпывает всего содержания сборника.

Если Брюсов выбрал для своей литературной маски модное женское имя, а также создал аллюзию на название популярного стихотворения Игоря Северянина «Нелли» 1911 г. («В будуаре то-скающей нарумяненной Нелли...»)¹⁰, то Никулин, возможно, учел опыт и другого, более раннего предшественника. В 1853 г. в журнале «Пантеон» (№ 4) появилась поэма «Адвокатство женщины», автором которой значилась некая *Евгения Сарафанова*. Впоследствии эта поэма вошла в собрание сочинений Г.П. Данилевского (1829–1890), известного прозаика и автора исторических романов «Княжна Тараканова» (1882), «Сожженная Москва» (1886) и других произведений. Но начинал свой путь в литературе Данилевский как поэт. Когда он предложил к печати в журнале свои стихи, то они были отвергнуты как незначительные. Тогда раздосадованный автор решил проучить строгих рецензентов и добиться публикации своих произведений. И он прибегнул к мистификации, написав письмо главному редактору «Пантеона» В.Р. Зотову от имени шестнадцатилетней поэтессы Евгении Сарафановой, живущей в деревенской глуши. Приложил к письму поэму и на этот раз достиг цели, так как она была опубликована, хотя и с сокращением и припиской «Продолжение обещано». Письмо в редакцию было выдержано в ироничном ключе, но не вызвало подозрений:

Милостивый государь!

Мне всего 16 лет. Я живу безвыездно в глуши старой деревеньки. Сама себя образовала путем учения. Я обожаю книги. И мне блеснула мысль показать вам свои опыты в стихах. Над посылаемой вам поэмой я много думала, много трудилась. Я несколько раз переделывала ее. Мой знакомый, один учитель, несколько

¹⁰ Этим именем в переписке с Брюсовым называла себя также его возлюбленная Елена Сырейщикова, поэтому выбор имени для литературной маски сочетал в себе как литературные, так и личные основания [5, с. 163–165].

причастный к литературе и бывавший в Петербурге, рассказал мне, что вы сильно покровительствуете женщинам, пробующим свои силы в литературе. Скажу вам искренно, что это еще больше подвинуло меня отослать вам мое сочинение. Отдаю его на суд ваш. Будьте снисходительны к 16-летней скромной поэтессе.

Уважающая вас почитательница ваша

Евгения Сарафанова.

Ответа мне не надо. Напечатаете — буду в восторге; отвергнете — тихо перестрадаю¹¹.

Следующее письмо от «юной поэтессы» в редакцию принес уже сам Данилевский, видимо, представившийся родственником или другом начинающей писательницы. Евгения Сарафанова восторженно благодарила и обещала продолжить творить:

Плакала от счастья. Благодарю, благодарю. Напишу много, когда волнение мое уляжется. А пока, если можно, пришлите мне какое-нибудь вознаграждение: я — девушка бедная.

Преданная Сарафанова¹².

Бедной девушке не отказали и через Данилевского передали ей гонорар за поэму. В дальнейшем Данилевский не развивал больше эту мистификацию и не публиковался под именем Сарафановой. Со звучие фамилий Сафьянова — Сарафанова может указывать на тот факт, что Никулин знал о мистификации Данилевского, но выбрал для своей героини более экзотическое имя — Анжелика¹³.

Похожи также истории вхождения в литературу Данилевского и Никулина, будущего драматурга, прозаика и военного корреспондента, лауреата Сталинской премии за роман «России верные сыны» (1950), загадочно уцелевшего в большом терроре 1930–1940-х гг¹⁴.

¹¹ Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя (Из истории анонимов и псевдонимов). М.: Наука, 1977. С. 174.

¹² Там же.

¹³ В.Г. Дмитриев описал обе мистификации как факты литературного процесса, но не указал на наличие генетической связи между ними. Однако широкая популярность Данилевского-беллетриста в конце XIX в. (его называли «русский Дюма»), его малороссийское происхождение (как и у Никулина) и наличие в его собрании сочинений 1876 г. поэмы, подписанной именем Евгении Сарафановой, позволяют предположить, что Лев Никулин знал об этом эпизоде в биографии предшественника.

¹⁴ Несмотря на несомненный талант литератора и бойкое перо практически все произведения Никулина ныне оказались забыты, так как посвящены были созданию литературного героического мифа о революции, революционерах, чекистах и советской власти, хотя в поздние годы он написал несколько книг мемуаров и литературных портретов (про Ф. Шалапина, А. Чехова, И. Бунина, А. Куприна), а также способствовал передаче бесценного архива Бунина в СССР, уговорив на этот шаг его вдову В.Н. Муромцеву-Бунину.

Свой литературный путь он также начинал со стихов и стихотворных фельетонов в одесской и московской прессе¹⁵. Но поэзию Никулина в московских изданиях печатали с большим трудом и часто отвергали. Тогда молодой писатель и решил создать юную и немного наивную поэтессу и публиковаться под маской, пользуясь всеобщим интересом к женской поэзии. В редакции журналов он объяснял, что на улице одна молодая рассеянная особа, садясь в пролетку, обронила сверток, в котором было роскошное издание стихотворений Петрарки с вложенными в него собственными сочинениями. Вернуть находку вскоре удалось через объявление в газете, но стихи были настолько очаровательными, что он их скопировал и счел достойными печати. И легенда сработала, стихи, подписанные именем Анжелики Сафьянова стали завоевывать популярность, их декламировали на литературных вечерах и студенческих встречах, а подлинный автор исправно получал гонорар, предназначенный для загадочной поэтессы.

На стихи Сафьяновой были и критические отзывы. Один из критиков отметил, что в сочинениях молодой поэтессы «“подчас сильно заметны влияния, но влияния неизменно прекрасных образцов, как-то: (Брюсова, Блока, Ахматовой и др.)”»¹⁶. Е. Тагер, характеризуя сборник «История и стихи Анжелики Сафьяновой» отмечает, что несмотря на иронию они «не поднимаются над уровнем салонной поэзии, эпигонски разрабатывающей темы И. Северянина и А. Ахматовой»¹⁷.

Но помимо русской литературной традиции немаловажным для истории Анжелики может быть опыт французского поэта Пьера Луиса (Pierre Louÿs, 1870–1925), издавшего в 1894 г. (на титуле 1895 г.) сборник-мистификацию «Песни Билитис» («Les Chansons de Bilitis»). Сборник включал в себя 143 стихотворения в прозе и три эпиграфы якобы принадлежавшие перу древнегреческой поэтессы, куртизанки и современницы Сафо Билитис (в оглавлении значились еще 12 названий стихотворений с пометкой «Не переведено»). Мистификация была продумана очень тщательно. Луис, как и позднее

¹⁵ Л.Н. Никулин родился в Житомире и вырос в Одессе. Окончил там Коммерческое училище и дебютировал в прессе в 1910 г. в газете «Одесский листок» со стихотворением «На смерть В.Ф. Комиссаржевской», подписанным «Лео П.» (Никулин Лев Вениаминович / сост. Б. Кандель // Русские советские писатели. Прозаики: Биобиблиографический указатель. Л.: Изд-во Гос. публичной б-ки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1964. Т. 3: Макаренко — М. Пришвин. С. 234, 251). В 1911 г. он стал студентом Московского коммерческого института и уже в Москве начал свою литературную карьеру всерьез. Он писал театральные рецензии, фельетоны, а также сценки для театра миниатюр «Летучая мышь» и тексты для песенок А. Вертинского [1].

¹⁶ Мокульский С. Лирическое матinee // Русский голос [Киев]. 1918. 24 (11) сентября.

¹⁷ Тагер Е. Никулин Лев Вениаминович // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 8. Стлб. 85.

Никулин, включил в книгу раздел «Жизнь Билитис», где описал ее биографию и историю нахождения стихов неизвестной поэтессы, используя ажиотаж вокруг археологических открытий, свойственный его времени. Якобы один немецкий археолог по имени Г. Хайм откопал на Кипре могилу Билитис и нашел там стихи, начертанные на стенах гробницы. Он их скопировал и издал в Лейпциге, а Луис уже перевел на французский.

Так как Луис был прекрасным знатоком античности и античной литературы, то его мистификация ввела в заблуждение даже экспертов. Помимо собственных текстов он включил в сборник перевод подлинных строк Сафо и нескольких реальных переработанных эпиграмм из «Паладинской антологии», а также виртуозно воспроизвел изысканный и чувственный стиль античной эротической поэзии. Сборник сопровождался подзаголовком «Лирический роман» и с помощью тщательно подобранных и последовательно выстроенных лирических миниатюр, действительно, описывал жизненный путь, становление и развитие личности гречанки античной эпохи, ее постижение любви, чувственности, предательства и смерти. Луис, как и позднее Никулин, даже снабдил свою книгу в ряде переизданий «портретом» гетеры-поэтессы (скопированном с одной из статуй в Лувре)¹⁸, а также библиографией, в которой среди выдуманных указывались в том числе реальные авторы-переводчики, писавшие в античной манере (Р. Демель, Г. Уддгрэн, Ж. Бертеруа и др.) [7]. Стихотворения сборника стали быстро популярными (композитор Клод Дебюсси, например, написал музыку на несколько текстов и создал цикл «Три песни Билитис»). Впоследствии сам Луис перестал поддерживать фикцию подлинности Билитис, хотя еще некоторое время продолжал литературную игру вокруг ее существования. Разоблачение не повредило успеху книги, однако репутация виртуозного мистификатора позднее привела к тому, что новые работы Луиса не принимали всерьез.

На русский язык «Песни Билитис» были удачно переведены в начале XX в. Александром Кондратьевым и до революции 1917 г. успело выйти два издания¹⁹. Однако Никулин, прекрасно знавший французский язык и французскую литературу, а также бывший библиофилом, мог их читать и в подлиннике, в частности, очередное

¹⁸ Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя (Из истории анонимов и псевдонимов). М.: Наука, 1977. С. 155.

¹⁹ Луис П. Песни Билитис / пер. Ал. Кондратьева. СПб.: Изд-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. [2], X, [4], 152, VI с.: ил.; 17; Луис П. Песни Билитис / пер. Ал. Кондратьева. СПб.; М.: Изд-во М.О. Вольф, 1911 [Санкт-Петербург]. [4], XII, 152, VI с.: ил.; 20.

переиздание этого сборника вышло в том же 1913 г., когда появились первые стихи Анжелики Сафьяновой²⁰.

Раскрыл свою мистификацию Никулин уже после революции, когда литературный и издательский мир переживал бурные перемены, и существование женской литературной маски стало бессмысленным²¹. Однако тот факт, что он любовно собрал все разбросанные по периодической печати стихотворения и издал их на собственные средства в виде отдельного сборника, ставшего для него дебютным, говорит о том, насколько привязан был сам писатель к своему детищу. Эта публикация позволила сохранить историю Анжелики как факт литературной жизни эпохи, но с репутацией Никулина сыграла злую шутку. Для многих писателей-современников, особенно, для уехавших в эмиграцию, он навсегда остался «Анжеликой». Об этом свидетельствует, например, тот факт, что именно так его характеризовали в эмигрантской прессе во время его поездки в Париж в 1934 г. Е.Р. Пономарев цитирует вырезку из газеты «Последние новости», бережно подписанную и сохраненную в архиве Никулина: «Лев Никулин — бывшая Анжелика Сафьянова из “Сатирикона” — решил поговорить с “мертвецами”. Мертвецы — это, разумеется, эмигрантские писатели» [8, с. 312].

Отличительной особенностью женской писательской маски Никулина является *собираательный характер лирической героини*. Сафьянова «пишет» в разных стилях и демонстрирует разнообразие в своем творчестве: любовная лирика, стихотворения-размышления, городские картины, шуточные и иронические произведения. Установка на *пародийность* заявляет о себе на всех уровнях книги от ее оформления до содержания. Мистификацией является даже издательство «Зеленый остров», выпустившее сборник. Такого издательства в Москве в 1918 г. не существовало. Однако первые произведения сборника еще можно принять всерьез, допустив их

²⁰ Louÿs P. Les Chansons de Bilitis, traduites du grec pour la première fois par P. L. Paris: Librairie de l'Art indépendant, 1895. 135 p.; Louÿs P. Les Chansons de Bilitis. Paris: Crès, 1913. 309 p.

²¹ В 1919 г., уже после раскрытия псевдонима, Никулин попытался воскресить Анжелику и опубликовал в первом и единственном номере харьковского альманаха «Музы» небольшой некролог на смерть двух молодых одесских поэтов Анатолия Гаммы и Анатолия Фиолетова за подписью *Анжелика д'Эспрэ*. Точных сведений, что за этой изысканной фамилией скрывался Никулин, нет, но учитывая его одесское происхождение и пребывание в 1919 г. на территории Украины, исследователи предполагают, что новая Анжелика была все тем же Львом Никулиным [10, с. 303–304]. Никулин плодил свои маски, выдумывая псевдонимы, намекающие на родство с Анжеликой Сафьяновой, в частности, некоторые свои произведения он подписывал «Поль Сафьянов» (варианты «Поль де Сафьянов», «Поль-де-Сафьянов»), такие подписи встречаются, например, в «Сатириконе» в 1914 г., в «Будильнике» 1915–1917 гг., в «Грубьяне» в 1915 г. Однако никакой генеалогии он не оставил и остается только гадать, кем мыслился загадочный «Поль» по отношению к Анжелике.

откровенно подражательный характер, влияние поэтики Игоря Северянина, поклонником которого был молодой Никулин, а также тот факт, что граница между серьезной и пародийной литературой в 1910-х гг. была чрезвычайно тонка, и статус некоторых стихотворений зависел от контекста их восприятия. Например, сам Северянин некоторые свои ранние лирические стихотворения перепечатывал в сборниках 1915–1916 гг. уже как иронические и пародийные, помещая в соответствующие разделы²².

Открывают сборник несколько прозаических вступлений. В очерке «Происшествие на Инженерной» рассказывается история обретения стихов, оброненных рассеянной барышней вместе с томиком Петрарки. Затем следует якобы объявление из газеты «Новое время», в котором хозяйка просит нашедшего вернуть ей книгу в черном кожаном футляре, и ответ «господина в коричневом пальто», сообщающий, что книгу и стихи он вернул по указанному адресу, но стихи скопировал. Далее читателю предлагаются еще раздел «Документы и комментарии», содержащие свидетельства современников, в которых воображаемая поэтесса подробно описывается и обретает биографические черты в туманном воздухе Петербурга, способном породить всяческие химеры:

Допустим, живет барышня, дочь отставного губернатора и сенатора.

Живет и называется Анжеликой Сафьяновой, имеет абонемент в Мариинской опере и при этом пишет стихи.

Ездит в карете с ливрейным лакеем на козлах, знакомится с литераторами и даже бывает в одном страшном, пестро расписанном подвале.

При этом эта дама так хороша собой, как только может быть хороша дама, созданная мечтой [6, с. 14]²³.

Намек на вымышленную личность поэтессы содержится уже в последней фразе приведенной цитаты: «...дама, созданная мечтой», но в целом этот раздел перекликается с установкой на научную достоверность, которая присуща сборнику «Песни Билитис». Прекрасная внешность Анжелики, ее знатность, богатство, утонченность и даже намек на влюбленного в нее солидного издателя — все это черты ли-

²² См. подробнее в монографии Е.В. Кузнецовой «Доэмигрантское творчество Игоря Северянина: проблемы поэтики» [4, с. 284–294].

²³ Тексты Никулина приводятся по изданию 1918 г. с сохранением авторской пунктуации, но в современной орфографии.

тературной маски Черубины де Габриак, присвоенные Никулиным, хотя он и не стремится убедить читателя в подлинности Анжелики, а постоянно подчеркивает, что разыгрывает его. В завершении очерка о призрачном существовании Анжелики сообщается, что она происходит по прямой линии «от Агрипины, сестры славного чиновника Пробринной Палатки Козьмы Пруткува» [6, с. 15].

Эпиграф из Пруткува, а именно первое четверостишие его знаменитого стихотворения «Я сегодня приехал в Коринф...», предваряет всю книгу. Это произведение, иронизирующее над поклонением античности и, самое главное, над стремлением многих русских поэтов XIX в. создавать псевдоантичную лирику, может также отсылать к опыту Луиса и его «Песням Билитис». Затем следует стихотворный «Пролог», настраивающий читателя на игривый лад:

Я пою *веселую фривольность*,
Я холодным пламенем горю,
Мне не петь трагическую вольность
И не звать багряную зарю. <...>
Я слагаю *песенки Эроту*,
Я пою *влюбленность и апрель*.
Были песни ярче и чудесней,
Был тревожней и напев и стих,
Если были и другие песни,
То другие песни для других [6, с. 21]. (Курсив здесь и далее мой. — Е. К.)

Автор откровенно заявляет читателю, что трагические и тревожные «песни» он не найдет в этом сборнике (хотя не сдерживает в дальнейшем своего обещания), так как предпочтение Анжелика отдает любовной и даже эротической лирике, однако смелых текстов о физической стороне любви в книге не содержится, и возможно, ожидания читателя будут обмануты. Отметим, что в «Сатирико-не» Никулин публиковал пародийно-эротические произведения в античной манере, возможно, подражая именно стихотворениям, приписанным Билитис, но в итоговый сборник они не вошли. Пропитируем в качестве примера «Ожидание», подписанное «Анж. С.»:

Пусть искажен улыбкой рот,
Гази мою звезду,
И пусть другой меня берет,
Скорей, Эрот... Я жду...

Эрот... Сломи свой тонкий лук,
Пусть он придет нагой,
Мне изменил мой нежный друг
И вновь ушел с другой²⁴...

После «Пролога», наконец-то идут собственно стихотворения, объединенные в несколько разделов, что было характерно для поэтических книг эпохи модерна: «Стихи Анжелики Сафьянковой», «На рассвете», «Старина и роскошь», «1914–1918», «Романсы», «Генриху Гейне» и «Посвящения».

Стихотворения-картины первых разделов описывают любовные свидания в разных городах Европы — Париже, Вене, Венеции, Петербурге, и городские развлечения — посещение цирка, катание в «таксомоторе», игру в теннис. Эти стихотворения подчеркнута дамские, изящные, но неглубокие по содержанию, а вот послание «Бессмертному прадеду Козьме Пруткову», состоящее из двух стихотворений, написано в энергичной «мужской» манере²⁵:

Вам, отрицающим вспышки огня и ракеты,
Вам, отвечающим длинным письмом на анкеты,
Вам, извращающим каждое новое слово,
Вам, заполняющим площади града Петрова —
Анафема... [6, с. 35]

Можно сказать, что в этом произведении Никулин непосредственно подражает творениям знаменитого директора Пробирной Палатки, а не просто ссылается на него, как на выдуманную литературную персону. В маскулинной поэтической манере и от мужского лица написано также стихотворение «Час вечерний», которое выбивается из общего ряда своим лирическим настроением и печальной интонацией (как и ряд других произведений). Это наводит на мысль, что перед автором стояли разные художественные задачи: в 1913–1917 гг., публикуясь в журналах, он стремился к тому, чтобы все поверили в существование юной поэтессы, а в рамках книги создается уже более сложная многоуровневая игра с читателем, и из-под женской маски периодически проглядывает подлинное лицо автора — печального романтика.

²⁴ Анж. С. [Никулин Л.А.] Ожидание // *Сатирикон*. 1913. № 49. 6 дек. С. 7.

²⁵ Можно предположить, что стихотворение «Изюм» («Сатирикон». 1913. № 49), подписанное «Правнук Козьмы Пруткова» также принадлежит Никулину.

Тем не менее все же ярче проявляется в произведениях книги установка на пародирование женской будуарной и лирической поэзии. Собирательной пародией на узнаваемые мотивы лирики этого рода является, например, стихотворение «Я очень мечтаю о благостной смерти...»:

*Я очень мечтаю о благостной смерти,
Какой-то простой и печальной;
О траурной рамке на белом конверте,
О крепе, о ризе венчальной...*

*Я очень мечтаю о северной ночи... —
В степи, над зеленым бурьяном:
Какой-то родной и внимательный Зодчий
Расставил курган за курганом...*

*Я очень мечтаю о пыльной дороге,
О парке, о музах в пыли, —
Но белые ниши оставили боги,
И бледные музы ушли... [6, с. 42]
(Курсив здесь и далее мой. — Е. К.)*

Это стихотворение первоначально было опубликовано в журнале «Рудин» в 1915 г. (№ 1) и несколько отличалось от текста, вошедшего в книгу. Первая строка звучала как «Я очень мечтаю о лирике смерти», второе четверостишие начиналось строкой «Я очень мечтаю о лирике ночи» [2, с. 188]. Данные разночтения указывают на то, что автор переработал некоторые произведения перед публикацией их в составе книги и заменил, например, повторявшееся слово «лирика» на эпитеты «благостная» и «северная».

Бросается в глаза нарочитое косноязычие и сбой ритма этого поэтического произведения за счет добавления в начальную строку каждого четверостишия лишнего наречия «очень», что создает впечатление дилетантского литературного текста. В первом четверостишии слышны отзвуки мортальной темы в творчестве Зинаиды Гиппиус, ставшей предметом иронических насмешек задолго до Никулина²⁶, а также ярких образов мертвой невесты в поэзии Надежды Львовой. Во втором четверостишии картины степи и курганов отсылают читателя к дебютному сборнику Е. Кузьминой-Караваевой «Скифские

²⁶ См., например, пародию В. Брюсова на З. Гиппиус «Я знаю удовольствие смерти...».

черепки» (1912). А третье четверостишие, вызывающие в памяти аллеи Летнего сада и Царскосельского парка с их мраморными статуями, можно считать квинтэссенцией ранней поэзии Анны Ахматовой и мотивов ее дебютного сборника «Вечер» 1912 г. (цикл «В Царском Селе», стихотворения «Туманом легким парк наполнился...», «Музе» и др.).

Встречаются в сборнике и откровенно шуточные стихотворения, например, «Эпитафия фокстерьеру “Торику”», «Надпись на могильной плите», «Пейзажи каменноугольного периода» или стихотворение «Бывают странные слова», заканчивающееся следующим образом:

Я буду вновь в моем саду,
Но не замедлю там шаги я
И прежних слов и не найду,
Но я найду слова другие...

И там, где вила гнезда глушь,
Где был приют влюбленным девам
Висит плакат:
«Не рвите груш
И не ходите по посевам»... [6, с. 43]

Дерзает Никулин под маской Анжелики Сафьяновой судить и других поэтов, в его иронических стихотворениях угадывается намек на эпатажную лирику футуристов, и в частности, на Игоря Северянина, пик популярности которого пришелся как раз с 1913 по 1917 гг.:

Пришла пора игривиться в поэзах,
Теперь в почете острое перо
И выезжать в мистических плерезах
В текущий век не модно и старо. <...>

Я не прочь от эротики
В изошренных устах,
Но не в крашеном котике,
А в собольих мехах.

Я не прочь от игривости,
Но не стиле Бурже,
В ней не более живости,
Чем в полярном морже.

Чужды маленькой этики,
Звоном новеньких лир
Молодые поэтики
Эпатирует мир [6, с. 46].

Между журнальной публикацией этого стихотворения с заглавием «Уколы» и его вариантом в сборнике есть расхождения. В «Сатириконе» (№ 12, 1914) была строка: «Но не в стиле Мюрже». Можно предположить, что Никулин сменил «стиль Мюрже» (в значении «богемный стиль» по имени фр. писателя Анри Мюрже, автора книги «Сцены из жизни богемы», 1851) на «стиль Бурже» (по имени фр. писателя Поля Бурже, возможно, в значении «буржуазный стиль» или «декадентский стиль», так как Бурже считается предтечей декадентов) под влиянием революции 1917 г.: богема стала уже не актуальна, а вот наступление на все буржуазное и декадентское в 1918 г. как раз началось. Это может говорить о том, что писатель пытался приспособить свою маску к новым временам и, может быть, рассчитывал и дальше ее использовать.

Однако, в отличие от Брюсова в «Стихах Нелли», сам Никулин не пишет эго-футуристических поэм и не копирует узнаваемый стиль Северянина. Влияние последнего, несмотря на заявления критиков, можно усмотреть лишь в тематике (урбанизм, образ современной горожанки), а также в иронической интонации. Следует отметить, что нельзя выделить хотя бы одно стихотворение, в котором бы точно выдерживалась стилистика той или иной поэтессы. Автор предпочитает так называемые «общие пародии», когда заострению и объективации подвергает стиль популярной поэзии в целом и женской лирики в частности. Пародийность усиливается к концу книги, завершающейся откровенно ироническим разделом («Стихотворения, посвященные Анжелике Сафьяновой поэтами: Мадленой Закатовой, Рафаилом Аполинарис, Сигезмундом Каштановым и Спектром Геликонским») и ответом самой поэтессы на эти мадригалы вымышленных авторов — «Ответ на посвящения», в котором она сетует на малочисленность хвалебных подношений в свой адрес:

И, когда я мечтаю о том, что Лауре,
Одной лишь Лауре, —
Эта тысяча печен, сплетенных экстазом, —
Я страдаю... Мне хочется бури,
Я сдвигаю взволнованно брови
И вонзаю булавку с топазом,

И царапаю руки до крови...

.....

Ну а вы... «Молодые поэты»,
Анжелике создать триумфальные арки
Не дано вам и нужно ли это?
Вы, — увы...
Не Петрарки... [6, с. 47]

Это стихотворение иронизирует над чрезмерностью женской эмоциональности, культом страстей и страдания, ставшими приметами как женской поэзии, так и немного кино, и над недалекими читателями и современными поэтами, которые, увы, не Петрарки и не могут даже отличить настоящую поэзию от шуточной.

Завершается книга «Послесловием», развенчивающим иллюзию существования Анжелики Сафьяновой для тех читателей, кто все еще в этом не убедился: «Автор считает необходимым сознаться, что все стихи, приписанные Анжелике Сафьяновой, написаны им, в чем могут быть представлены доказательства» [6, с. 89].

Но было бы несправедливо утверждать, что весь сборник состоит из шуточных и пародийных произведений. Сквозь авторскую иронию сквозит и легкая грусть от того, что новый век не похож на яркие и героические времена прошлого. Никулин сожалеет об ушедших веках великих поэтов и романтической любви, а также об измельчании литературы, особенно, поэзии («Где чеканные строфы, литые терцины, / Где сонеты, которые жгут как лучи / Где газеллы, с которыми шли сарадины / На пиры и любовь, на костры и мечи...» [6, с. 34]). Вся современная поэзия представляется ему или перепевами, или бледными подобиями минувших шедевров, как и достижения нового технического века (например, электричество и пар, заменившие живой огонь). Стихотворение «Час вечерний» передает это настроение разочарования, создавая более глубокую и разнообразную эмоциональную палитру всего сборника и анти-футуристический пафос сборника (в «Сатириконе» за 1914 г. (№ 2) это произведение было опубликовано под собственным именем Никулина):

В вечерний час волнующий и синий
Прямой стрелой отмеченный в часах,
Кто не мечтал о тлеющем камине,
О девушке, о розе в волосах...

Кто не мечтал в лирическом испуге:
Как этот век медлителен и груб,
Каминов нет, горячий и упругий
Струится пар извилинами труб. <...>

Портрет врага в позеленевшей раме?..
Или олень, склоняющий рога?..
.....

Конец мечте. Под белыми шарами
Сияет нагло Вольтова дуга... [6, с. 37]

Прощанию с уходящей эпохой дворянских усадеб посвящены стихотворения «Библиотека», «Теннис», «Альбом сороковых годов». В этих произведениях авторская ирония почти неощутима, она смешивается с чувством горечи и утраты. Стихотворение «Библиотека» в контексте всей книги выглядит наиболее личным и искренним (напомним, что Никулин был страстным библиофилом и коллекционером книг), и кажется, что подлинное лицо умного автора в подобных произведениях выглядывает из-под маски ветреной и недалекой Анжелики:

Какие мудрые книги,
Какая старая полка,
Романы, тайны, интриги
И закладка из серого шелка...

Какой-то важный очерк
О Рейне и Рейнских замках,
На полях — бисерный почерк
И тонкие профили в рамках...

«Я не достоин доверья
И я умираю бесславно» ...
И даже гусиные перья
Смяты как будто недавно...

Пусть порыв мой осмеян —
Я плачу здесь, в этой башне,
Где до сих пор не развеян
Сон тревоги вчерашней... [6, с. 52]

Не все стихи, написанные Никулиным до революции, удостоились попадания в сборник. Были отобраны самые «женские» произведения, самые лирические или, наоборот, шуточные, а стихотворные фельетоны на актуальные военные и политические темы, которые Никулин также публиковал под именем Анжелики Сафьяновой в 1915–1917 гг., туда не вошли. Например, в 1917 г. в журнале «Рудин» появился фельетон «О старце Григории и русской истории», направленный против Распутина и кабинета министров царского правительства. Но в 1918 г. перепечатывать этот текст было уже неактуально, Распутин был убит в конце 1916 г., а царское правительство распущено после отречения Николая II от престола²⁷.

Подведем некоторые итоги. Опыты Данилевского, Брюсова, Луиса и Никулина являются знаковыми примерами создания собирательного субъекта женской лирики, предпринятого авторами-мужчинами во второй половине XIX – начале XX в²⁸. Поэты смогли перевоплотиться в поэтесс и написать произведения, неотличимые как от высоких образов женской лирики, так и от ее массового извода (в зависимости от поставленных задач). Предметом иронической рефлексии Данилевского является зарождающаяся женская литература, которая привлекала внимание редакторов и читательской публики скорее своей экзотичностью, нежели художественными достоинствами (по мнению Данилевского). Луис совершает, на наш взгляд, наиболее полное перевоплощение, стремясь освоить язык женской эротической лирики и создать настоящий роман с стихах, описывающей судьбу женщины в эпоху античности и вневременную любовную историю. И это ему удастся. Брюсов не столько иронизирует, сколько *объективирует женский поэтический дискурс*, фиксируя его как значимое явление в литературном мире, а в некоторых лирических пьесах, например, в стихотворении «И снова у окна, когда закат малинов...», он поднимается до высокого уровня настоящей поэзии.

Опыт Никулина интересен тем, как именно он объединяет, комбинирует приемы, представленные у его предшественников. Он достигает высокого уровня пастиширования массовой женской лирики (читатели полностью поверили в существование Анжелики, многие стихотворения до сих пор читаются свежо и остроумно), но розыгрыш и добродушное пародирование для него становятся важ-

²⁷ Это произведение Никулин опубликовал в виде отдельной брошюры: *Сафьянова Анжелика. О старце Григории и русской истории.... Сказка наших дней.* [М.]: Свобода, [1917]. 56 с.

²⁸ Как мы уже упоминали, от женского лица писал В. Хадасевич, а также И. Северинин и Э. Багрицкий.

нее, нежели точное воспроизведение узнаваемых образцов высокой женской поэзии и полное перевоплощение. Скорее наоборот, то в одном произведении, то в другом маска наивной поэтессы сбрасывается и появляется настоящее лицо поэта-романтика. Сборник зафиксировал определенный этап в развитии женской литературы в России (поэтический бум) и, можно сказать, подвел итог ее дореволюционного развития.

Взгляд со стороны на волну женской поэзии в предреволюционное десятилетие, представленный в книге Никулина, демонстрирует значимость этого литературного явления и выявляет его особенности: тесную связь с эмансипацией, с социальными переменами в статусе и поведении женщин, установку на откровенность, а порой и шокирующую интимность, способность метко подмечать изменения реальности и откликаться на запросы времени, умение быстро усваивать стилистические новации и даже самим диктовать новые тренды в поэзии, что проявилось, например, уже в дебютном сборнике Анны Ахматовой.

Сравнение разных поэтических мистификаций демонстрирует их литературность. Они рождаются по следам чтения женских текстов (реальная поэзия Сафо была, несомненно, источником вдохновения для Луиса) и, как правило, одна мистификация порождает следующую: на Луиса, в частности, повлиял опыт Проспера Мери́ме, издавшего в 1825 г. сборник пьес под именем вымышленной испанской актрисы Клары Газуль. «Стихи Анжелики Сафьяновой» также, как и «Стихи Нелли», каталогизируют самые актуальные темы и мотивы женской лирики 1910-х гг.: любовные переживания, путешествия, картины большого города, приметы современности, развлечения, размышления о жизни и смерти и т. д., но Никулин уже иронизирует над штампами и шаблонами массовой женской поэзии небольшой художественной ценности. Но параллельно с этим он создает эпитафию целому периоду русской истории и литературы, ощущая, что наступает совсем другая эпоха.

Литература

1. Ардов М. Вокруг Ордынки. Портреты // Новый мир. 1999. № 6. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_1999_6/Content/Publication6_4338/Default.aspx (дата обращения: 11.01.2025).

2. Анжелика Сафьянова // Сто одна поэтесса Серебряного века. Антология / сост. и биограф. ст. М.Л. Гаспаров, О.Б. Кушлина, Т.Л. Никольская. СПб.: ДЕАН, 2000. С. 188.

3. *Карпачева Т.С.* «Мой недопетый гимн весне»: жизнь и творчество Надежды Львовской. М.: Водолей, 2021. 508 с.
4. *Кузнецова Е.В.* Доэмигрантское творчество Игоря Северянина: проблемы поэтики. М.: Водолей, 2023. 348 с.
5. *Лавров А.В.* «Новые стихи Нелли» — литературная мистификация Валерия Брюсова // Лавров А.В. Русские символисты. Этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. С. 154–198.
6. *Никулин Л.* История и стихи Анжелики Сафьяновой с приложением ее родословного древа и стихов, посвященных ей. М.: Зеленый остров, 1918. 91 с.
7. *Орлицкий Ю.* Поэтесса, которой не было // Новый мир. 2011. № 7. URL: <https://nm1925.ru/articles/2011/201107/velikaya-poetessa-kotoroy-ne-bylo-371/> (дата обращения: 11.01.2025).
8. *Пономарев Е.Р.* Типология советского путешествия. «Путешествия на Запад» в русской литературе 1920–1930-х гг.: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2014. 577 с.
9. *Соболев А.* Весна. Орган независимых писателей и художников: Аннотированный указатель содержания. М.: Трутень, 2012. 164 с.
10. *Яворская А., Устинов А.* Два Анатолия и одна «Анжелика»: к истории «Юго-западной литературной школы» // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 280–313.

Research Article

Literary Mask of Angelika Safyanova: Genesis and Literary Context

© 2026. Ekaterina V. Kuznetsova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article analyzes the poetic mask of Angelika Safyanova — a literary mystification by Lev Nikulin — in the context of other famous literary hoaxes of the 19th and early 20th centuries. Nikulin's experience is compared with the literary masks of Kozma Prutkov, G.P. Danilevsky (who created the mask of Evgenia Sarafanova), and V. Bryusov, who published the collection “Poems of Nelly” in 1913 — a collection that reflected various types of women's poetry at the turn of the 1910s — as well as with the hoax of the French poet Pierre Louÿs “Les Chansons de Bilitis” (1894). It can be argued that Nikulin continues the game of his predecessors and, obviously, is largely guided by their experience. He also creates pseudo-feminine poetry, but significantly enhances the parody-ironic aspect. “Angelika Safyanova's Poems”, like “Poems of Nelly”, are a catalog of the most relevant topics and problems of mass women's poetry of the 1910s (love, travel, big

city, signs of modernity, entertainment, reflections on life, etc.). If Bryusov rather objectifies women's poetic discourse and marks it as a new significant phenomenon in the literary world, then Nikulin is already ironic about its clichés and patterns, but also expresses sadness about the passing era. The analysis demonstrates that Angelika's author took into account the findings of her predecessors to create a successful image of the young poetess during the period of his literary emergence, and later revealed and debunked the hoax.

Keywords: Angelika Safyanova, Lev Nikulin, women's poetry, mystification, literary mask, parody

Information about the author: Ekaterina V. Kuznetsova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6045-2162>

E-mail: katkuz1@mail.ru

For citation: Kuznetsova, E.V. "Literary Mask of Angelika Safyanova: Genesis and Literary Context." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (41), 2026, pp. 251–275. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-251-275>

References

1. Ardov, M. "Vokrug Ordynki. Portrety" ["Around Ordynka. Portraits"]. *Novyi mir*, no. 6, 1999. Available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_1999_6/Content/Publication6_4338/Default.aspx (Accessed 11 January 2025) (In Russ.)
2. "Anzhelika Saf'ianova." *Sto odna poetessa Serebriannogo veka. Antologiya* [One Hundred and One Poetesses of the Silver Age. An Anthology], comp. and biographical articles by M.L. Gasparov, O.B. Kushlina, and T.L. Nikol'skaia. St. Petersburg, DEAN Publ., 2000, p. 188. (In Russ.)
3. Karpacheva, T.S. "Moi nedopetyi gimn vesne": zhizn' i tvorchestvo Nadezhdy Lvovoi ["My Unfinished Hymn to Spring": The Life and Work of Nadezhda Lvova]. Moscow, Vodolei Publ., 2021. 508 p. (In Russ.)
4. Kuznetsova, E.V. *Doemigrantskoe tvorchestvo Igoria Severianina: problemy poetiki* [Pre-Emigration Work of Igor Severyanin: Problems of Poetics]. Moscow, Vodolei Publ., 2023. 348 p. (In Russ.)
5. Lavrov, A.V. "Novye stikhi Nelli" — literaturnaia mistifikatsiia Valerii Briusova" ["New Poems by Nelly" — A Literary Hoax by Valery Bryusov]. Lavrov, A.V. *Russkie simvolisty. Etiudy i razyskaniia* [Russian Symbolists. Studies and Research]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2007, pp. 154–198. (In Russ.)
6. Nikulin, L. *Istoriia i stikhi Anzheliki Saf'ianovoi s prilozheniem ee rodoslovnogo dreva i stikhov, posviashchennykh ei* [The History and Poems of Angelika Safyanova with an Appendix of Her Family Tree and Poems Dedicated to Her]. Moscow, Zelenyi ostrov Publ., 1918. 91 p. (In Russ.)
7. Orbitskii, Iu. "Poetessa, kotoroi ne bylo" ["A Poetess Who Never Existed"]. *Novyi mir*, no. 7, 2011. Available at: <https://nm1925.ru/articles/2011/201107/velikaya-poetessa-kotoroy-ne-bylo-371/> (Accessed 11 January 2025). (In Russ.)

8. Ponomarev, E.R. *Tipologiia sovetskogo puteshestviia. "Puteshestviia na Zapad" v russkoi literature 1920–1930-kh gg.* [*The Typology of Soviet Travel. "Travels to the West" in Russian Literature of the 1920s and 1930s: DSc Dissertation*]. St. Petersburg, 2014. 577 p. (In Russ.)

9. Sobolev, A. *Vesna. Organ nezavisimykh pisatelei i khudozhnikov: Annotirovannyi ukazatel' soderzhaniia* [*Spring. The Journal of Independent Writers and Artists: An Annotated Index of Contents*]. Moscow, Truten' Publ., 2012. 164 p. (In Russ.)

10. Iavorskaia, A., and A. Ustinov. "Dva Anatoliia i odna 'Anzhelika': k istorii 'Iugo-zapadnoi literaturnoi shkoly'." ["Two Anatolies and One 'Angelica': On the History of the 'Southwestern Literary School'."]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (20), 2021, pp. 280–313. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.01.2025

Одобрена после рецензирования: 16.06.2025

Дата публикации: 25.09.2026

The article was submitted: 19.01.2025

Approved after reviewing: 16.06.2025

Date of publication: 25.09.2026